

ПРАЗДНИК ВСЕГДА С ТОБОЙ

Романтика профессии

Артистка. Балерина. Не правда ли: воображение сразу рисует сцену, ярко освещенную юпитерами, аплодисменты зрительного зала, букеты цветов...

А что, если юпитеры предпочитают улыбаться солистке? Если родное училище — приют честолюбивых юношеских мечтаний — уже далеко? Если живешь в незнакомом городе и твоя фамилия в программе стоит в длинном перечне других, против бесконечных «подружек», «птиц», «лебедей»?

Где взять силы, чтобы тебя заметили, чтобы в тебя поверили?

Но добрая фея только в сказочных спектаклях в одно мгновение открывает людям скрытую красоту. Галине же, чтобы выйти на сцену Золушкой, понадобились годы. Годы труда. Годы шпифовки крепнувшего таланта. Когда музыка становится не бичом шталмейстера, а бескорыстной подругой, умной наперстницей, которая помогает раскрыться лучшему, что в тебе есть. Когда во время танца слышишь из теплой темноты зала короткие залпы аплодисментов и знаешь: это — тебе.

Сейчас в активе Галины Калашниковой — солистки балета, народной артистки Татарской АССР — почти сорок партий в тридцати балетах. Здесь и заветные Одетта-Одиллия, Китри, Зарема, Раймонда, Золушка, Мехмене-бану, и роли в балетах татарских композиторов — Мазины в «Кисебаш», Сюмбуль в «Горной были», Сюимбике в «Шурале».

За каждой партией — поиски, дни, а иногда и ночи раздумий и волнений. Особенно трудно было вначале. Для выпускницы Ленинградского балетного училища все было необычным в Казани: татарская музыка, национальный балетный репертуар, в котором ей предстояло работать. Пришлось выбирать: то ли вечно танцевать что-то условно-восточное, то ли постигать сущность незнакомого прежде народа, его искусства, музыки, литературы — учиться, читать, наблюдать.

Одна из любимых национальных партий Калашниковой — Сюимбике в «Шу-

рале». Роль лирическая и поэтичная. Партия интересна сочетанием классических элементов с моментами татарских народных плясок.

Образ девушки-птицы, перекликающейся чем-то с Одеттой, но конкретно-национальный, «здесьшний». Калашникова увлеклась поиском зримых черт сказочной героини. Сколько часов проведено в «гроте» республиканской библиотеки, сколько прочитано сказок, легенд, преданий! Но Сюимбике упорно скрывалась, не давалась в руки, подобно действительной сказочной птице.

Какой же, какой была она? А почему — была? И все стало на свои места. Образ стал решаться в настоящем времени. И Сюимбике — Калашникова стала живой, юной татарской девушкой, скромной и нежной, любящей и борющейся за свое счастье. Поиски грима и костюма не завершили работы, а только указали новое направление. Пришлось изучать народные пляски, искать убедительный, конкретный рисунок роли. Потянулись часы работы в репетиционном зале. И по крупицам был собран этот выразительный, волнующий образ, украсивший репертуар балерины.

...Прошли годы, и Калашниковой, признанной оистине национальной артисткой, было присвоено самое почетное в республике звание.

Я наблюдала за Калашниковой во время съемок фильма о ней. Нужно было видеть, с какой добросовестностью относилась балерина к новой для нее роли киноартистки, к бесконечным дублям, к непривычной пустоте зала, к тому, что весь темперамент, все мастерство нужно вкладывать перед бесстрастным объективом кинокамеры.

Отрывки из балетных партий Калашниковой сняли на телестудии в одну ночь — с полуночи до шести утра. Балерина приехала после спектакля. После каждого отрывка приходилось менять костюм, грим, парик и снова танцевать, танцевать — а была почти вся классика — «на пальцах». Ноги буквально отказывали, а она

чуть посидит, и лишь зазвучит музыка, глядишь — заструились руки, заблестели глаза.

Эта необыкновенная увлеченность своим трудом поражала весь съемочный коллектив, делала работу с Калашниковой праздничной, радостной. Наверное, за это завидное качество любят балерину и в театральном коллективе, и по эту сторону рампы — в зрительном зале.

Короткая пауза в спектакле «Шурале». На сцене кружится лесной шашаб. Галина убегает за кулисы. Есть несколько минут отдыха. Кажется, силы покидают балерину, вот-вот выпрыгнет сердце. Огромные серо-зеленые глаза блуждают, и что-то в них сейчас детски-беспомощное — не хватает воздуха. Сверкающее одеяние Огненной ведьмы выглядит просто лохутком алой материи, едва держащейся на худеньких плечах, блески погасли в полумраке.

Прислонившись к размазанному фанерному щиту, она прислушивается к оркестру — не пропустить бы выход. И видно, что ее не трогают ни этот пыльный щит, ни темнота, ни отсутствие удобств. Рядом ожидают выхода и другие артисты балета. Смуглеют кирпично окрашенные лица, чернеют высокие смоляные брови. Закулисная суэта, болтовня.

И вот Калашникова снова выпархивает на сцену — сама невесомость, воздушность.

А окончится спектакль — и, может быть, тотчас начнется репетиция. Порой бывает и так. Этот марафон выдерживают сильнейшие. А ведь артисту нужно еще успеть и почитать, и подумывать.

Порой приходилось обнаруживать в себе признаки какого-то неудовлетворения, желание сделать что-то новое, покопаться в себе, поискать скрытый резерв. Со временем непонятное настроение прояснилось, вылилось в конкретную потребность: хочешь разноплановости. А потом и это желание уточнилось: признанную лирическую героиню властно влек гротеск, острохарактерность. И в «Золушке»

Калашникова танцевала уже не только саму героиню, но и ее мачеху, олицетворенные злобы и несправедливости. И в «Шурале» прозрачное одеяние и пушистые косы Сюимбике сменились на коротенькую тунику и медно-красные рожки-косички Огненной ведьмы.

Идет время, уже завоевана популярность и прочно утвердилось положение солистки, но сердце — нет, не просит покоя. Ведь с годами, внутреннее зрение становится зорче и есть что сказать людям.

Это — зрелость. Это — благодатная пора радостного и вдумчивого творчества. Да, она стала солисткой, «примой». Да, это огромное удовлетворение, но и ответственность огромная. Она — полпред немалого коллектива, который зритель не видит на сцене во время спектакля, — режиссера и балетмейстера, художника и концертмейстера, костюмерши и рабочего сцены. И от нее во многом зависит, в каком свете увидят их труд, как будет выглядеть спектакль — сочным, захватывающим или бесцветным, скучноватым, «длинным».

Да, нелегко стать артисткой. Но еще труднее быть ею, оставаться ею, сохранять в душе эту извечную и удивительную жажду «лицедейства». А кроме того, нужно уметь слушаться режиссера, уметь из нелюбимой роли сделать для зрителя увлекательный спектакль. И играть искренне, ибо зрителю нет дела до твоих неполадок, житейских забот и хлопот. И всегда носить в душе праздник, чтобы делиться им с людьми.

Ей часто дарят цветы. Огромные букеты. Но она ценит больше не эти подношения. Бывает, после премьеры подойдет рабочий сцены и молча подаст ей несколько цветущих веток.

И сразу теплая волна благодарности подступит к сердцу. Значит, не погас с последним оркестровым тактом чистый пламень искусства, а бережно по искре унесли его с собой те, для кого она вот уже десять лет выходит на освещенные подмостки сцены.

Р. РУВЦОВА.